

Александр Галяс

Смерть не оборвала песню

В феврале 1988 года в популярной в то время радиопередаче «Встреча с песней» прозвучала песня в исполнении Петра Лещенко. Это был шок. Лещенко был самым табуированным из эстрадных певцов, включенных в «запретные списки» Гостелерадио. К тому времени уже давно были «помилованы» Вертинский, Морфесси, Иза Кремер, начали звучать записи Рубашкина, Токарева, Бродской, Шуфутинского и прочих «родных эмигрантов», и лишь запрет Петра Лещенко оставался, «мов скеля, непорушним». Но вот пал и этот «последний бастион»...

Едва окончилась передача, я бросился звонить Владимиру Михайловичу Гридину, который, прожив в Одессе весь оккупационный период, не раз делился со мной своими подростковыми впечатлениями о концертах Лещенко 1942-43 годов, историями, которые он слышал о нем и его жене-одесситке Вере Белоусовой. Вскоре мы засели за совместную работу по сбору воспоминаний о Петре Лещенко, фактов его биографии. Беседовали с одесситами, помнившими выступления Лещенко и его самого, расспрашивали приезжавшую на гастроли знаменитую Аллу Баянову, тоже входившую в «запретные списки», наконец, не раз беседовали с Верой Георгиевной Белоусовой, чьи мама и брат жили в Одессе...

Филофонист Борис Котлярчук впоследствии отметил наши труды: «За период 1988-1991 годов в центральной и периферийной прессе советской империи накануне ее саморазвала появилось около двух десятков публикаций о Петре Лещенко. Наиболее активными авторами проявили себя В.М. Гридин и А.В. Галяс: им удалось в Одессе и Москве опубликовать шесть совместных работ, главным образом о малоизвестном одесском периоде жиз-

Лещенко с Белоусовой (справа)

ни певца». Две из этих статей появились в московских журналах «Музыкальная жизнь» и «Огонек» (волею судьбы мы с В. Гридиным оказались единственными одесскими журналистами, кому удалось напечататься в легендарном «Огоньке» времен Виталия Коротича). Теперь на них часто ссылаются, включая словари и энциклопедии. Но, говоря откровенно, многое в этих текстах основано на источниках, которые трудно отнести к достоверным, особенно в том, что касается детства и юности артиста. Увы, в ту пору у нас не было самого достоверного источника – свидетельств самого Петра Лещенко. А содержались они в протоколах допроса артиста, хранившихся в архиве КГБ и рассекреченных уже в 1990-х.

«Лещенко Петр Константинович, 1898 г. рождения, уроженец села Исаево, быв. Херсонской губернии, русский, гражданин Румынской Народной Республики, образование среднее, владеет русским, украинским, румынским, французским и слабо немецким

языками, по профессии артист, в марте 1951 г. арестован румынскими органами госбезопасности и содержится под стражей», – так начинается этот протокол, позволивший восстановить некоторые «темные пятна» биографии певца.

Петр Лещенко родился 2 (14) июня 1898 года в небольшом селе Исаево, которое сейчас входит в состав Николаевского района Одесской области. Кто его отец, так и осталось тайной; Алла Николаевна Баянова намекала на еврейские корни своего коллеги. Ясно одно: ребенок рос «безбатченком». Так что, видимо, убеждая дочь от позора, семья с девятимесячным Петей переехала в Кишинев. До восьми лет мальчик рос и воспитывался дома. Родственники, заметив его тягу к танцам и музыке, отдали ребенка в солдатский церковный хор, а регент этого хора устроил Петра в Народное приходское училище в Кишиневе. Так к семнадцати годам получил общее и музыкальное образование. В 1915 году «ввиду перемены голоса» юноша остался без средств, поэтому решил пойти на фронт. Сперва устроился вольноопределяющимся в 7-й Донской казачий полк, откуда был направлен в Киевскую пехотную школу прапорщиков, в марте 1917 г. через 40-й запасной полк в Одессе был отправлен на румынский фронт и зачислен в 55 пехотный Подольский полк 14 пехотной дивизии на должность командира взвода. В августе того же года был тяжело ранен, почти полгода провел в кишиневском госпитале, откуда вышел уже жителем Румынии. В Кишиневе работал токарем по дереву, псаломщиком и подрегентом церковного хора, одновременно участвуя в вокальном квартете и даже в оперных спектаклях. А с 1919-го года Лещенко окончательно переходит на артистическую стезю.

Выступает, в основном, как танцор и реже как певец в составе различных артистических групп, колеся по Румынии. В 1925 году оказывается в Париже, год работает в парижских кинотеатрах и ресторанах. Там же знакомится с юной танцовщицей Жени Закитт, родом из Риги, вспыхивает любовь, и молодые люди составляют не только танцевальный, но и семейный дуэт. Вместе работают в Турции, Сирии, Греции, выступают в Черновцах, в Риге. Именно в столице Латвии происходит решающий поворот в жизни Лещенко. Пока жена была беременна (сын Игорь родился

Лещенко с сыном Игорем

в 1931-м), Петр «переключился на вокал». Благо в Риге работали такие мастера, как композиторы Оскар Строк и Марк Марьяновский, чьи песни-танго имели огромный успех далеко за пределами Латвии. Хозяин нотного магазина в Риге предложил Петру поехать в Берлин, где Лещенко записал свои первые граммпластинки на фирме «Парлофон».

Затем последовали записи в Вене и Лондоне. Голос Лещенко оказался замечательно «пластиночным», и песни в его исполнении быстро стали популярными, вызвав немалую ревность «старших товарищей» по жанру. Говорят, что у Вертинского сразу портилось настроение, когда он узнавал, что кому-то из его собеседников нравятся записи Лещенко. Существует легенда, будто Федор Шаляпин сказал о Лещенко: «Глупые песни хорошо поет». Выглядит она сомнительно, тем более что пока еще не удалось отыскать первоисточник.

Факт, однако, состоит в том, что пластинки с записями песен в исполнении Петра Лещенко расходились огромными тиражами.

А сам он, перебравшись в середине 1930-х в румынскую столицу, открыл в компании с «некими Кавурой и Геруцким» фешенебельный ресторан в самом центре Бухареста, где гвоздем программы были его сольные выходы. Основу репертуара Лещенко составляли песни на русском языке, пел он также цыганские романсы, украинские народные песни, разумеется, сочинения румынских авторов (последние, правда, в мизерном количестве). Основной, а по сути, единственной темой его песен были любовные страсти. Одно из редких исключений – «Песня о Родине» И. Дунаевского из кинофильма «Цирк». Забавно, как певец обошел самый скользкий куплет этого сочинения, а именно:

За столом никто у нас не лишний,
По заслугам каждый награжден.
Золотыми буквами мы пишем
Всенародный сталинский закон...

Так вот, «сталинский» Лещенко заменил на «строгий всем» – что, впрочем, было не так уж далеко от истины.

Похожий трюк ему пришлось проделать и еще с одним советским супершлягером: песней из фильма «Веселые ребята». Там, правда, было проще: «комсомольское» племя было заменено на «молодецкое». Трудно сказать, почему Лещенко включил в свой репертуар и даже записал на пластинки эти шедевры советского агитпропа. Скорее всего, по причине нехватки репертуара: круг его авторов был все-таки довольно ограничен. Потому и приходилось одалживаться песнями у той страны, которая категорически его не признавала.

Для меня изначально было загадкой, почему из безобидного, в общем-то, артиста Петра Лещенко в Советском Союзе сделали идеологическое пугало. Все дело, по видимости, в том, что не зависящий от догм соцреализма Лещенко был *иным* и пел об *ином*. Он был свободным артистом и человеком, а это в сталинские времена почиталось страшным грехом. И то, что до него невозможно было добраться, только усиливало ярость идеологических контролеров. Удивительное дело: среди десятков людей, с которыми мне в конце 1980-х – начале 1990-х довелось беседовать о Петре

Лещенко, были и те, кто не ставил под сомнение его «вину перед Родиной» (категорически отрицалось только «пособничество оккупантам»; тут все одесситы, пережившие в родном городе 1942-44 гг., едины). Но за его пластинками охотились, иногда даже отказывая себе в необходимом (характерная деталь: в послевоенные годы на черном рынке пластинка Лещенко стоила в десятки раз дороже буханки белого хлеба!), их слушали, запиливая до хрипоты. И это несмотря на то, что за прослушивание «вражеских записей» вполне реально было схлопотать срок.

Между тем личная жизнь артиста складывалась не гладко. По его признанию, с женой он в 1939-м году порвал всякие отношения; по слухам, из-за того, что у нее появился любовник – румынский полковник. (Интересная деталь: никто из наших собеседников, включая Аллу Баянову, даже не намекал на наличие у Лещенко любовниц.)

После начала войны Лещенко как румынский подданный и военнообязанный неоднократно получал извещения о призыве в армию – для службы при одном из лагерей военнопленных. Используя связи, ему удалось уклониться от призыва, тем более что в декабре 1941 года он получил приглашение из Одессы, от директора оперного театра Селявина – дать несколько концертов. Разрешение на поездку в Одессу он получил только в апреле 1942-го, а выехать смог лишь в мае, после окончания зимнего сезона в ресторане.

19 мая 1942 г. Лещенко приехал в Одессу и остановился в гостинице «Бристоль», а потом снял квартиру на Коблевской. По одной версии, певец привез с собою в Одессу автомобиль «Форд» с личным шофером, по другой, приобрел его уже на месте. Так или иначе, но первой новостью, благодаря которой большинство одесситов узнало о приезде знаменитого артиста, было сообщение об угоне его авто.

Но, конечно, куда больше многочисленных поклонников Лещенко интересовало, где и когда он будет выступать. Селявин предоставил в распоряжение певца оркестр, состоящий из музыкантов оперного театра. Один из них рассказал, что в ресторане «Одесса» выступает с концертами певица Вера Белоусова, аккомпанируя себе на аккордеоне. 19-летняя красавица

с красивым голосом певцу понравилась. Так начался их роман. Первые концерты прошли 5, 7 июня 1942 года – естественно, с огромным успехом. Правда, зрителей обескураживало то, что концерты начинались с румынских песен, но таково было требование оккупационных властей. Армейцы, однако, от артиста не отстали. В июле 1942 года он получил приказ явиться на службу в 13-ю дивизию в качестве переводчика. Чтобы избежать поездки на фронт, Лещенко договорился с владельцами ресторана «Норд» («Северный»), который находился в Театральном переулке, 12, что поступит к ним в качестве со-владельца. Благодаря чему ему удалось получить документ о том, что он мобилизован для работы на месте. С приходом Лещенко «Норд» стал едва ли не самым популярным рестораном города. Певец выступал сперва один, а потом и вместе с Белоусовой и другими артистами. В сентябре 1942 г. он сделал Вере предложение, на что девушка ответила согласием. И Лещенко переселился на Новосельскую, 66, где Вера жила с мамой и двумя братьями.

Армия с упорством, достойным лучшего применения, продолжала охоту за певцом, как будто его присутствие на фронте могло хоть что-то изменить в ходе военных действий. На сей раз угроза была настолько серьезной, что Лещенко решил лечь в госпиталь для удаления аппендицита, хотя в том не было ни малейшей необходимости. Но это лишь отсрочило призыв. В мае 1943-го его направляют в Керчь, но в Раздельной он покидает поезд, едет в Одессу и тут договаривается о поступлении в военную артистическую группу 6-й дивизии, с которой ездит по городам, выступая перед румынскими воинскими частями и в госпиталях. Но в октябре его все-таки отправили в Крым, где он служил заведующим офицерскими столовыми.

В марте 1944-го, когда результат уже стал вырисовываться более-менее ясно, Лещенко срочно приехал в Одессу, и 22 марта вывез Веру с ее семьей в Румынию. Там он окончательно оформил развод с Закитт и зарегистрировал брак с Белоусовой. Вместе с новой супругой вплоть до весны 1948 г. он выступал перед советскими войсками, причем солдаты и офицеры принимали его тепло, не видя в артисте врага. Ходили слухи, будто однажды

Лещенко и Белоусова в Бухаресте с советскими войнами

Лещенко пел перед Жуковым, но это не так; а вот выступление перед маршалом Коневым представляется вполне реальным.

В марте 1949 г. Петр и Вера поступили в Театр эстрады. А через два года в антракте концерта в городе Брашове, носившем тогда имя Сталина, Лещенко арестовали и приговорили к пяти годам трудовой колонии. В июле 1952 года Вера в последний раз видела своего супруга – за решеткой. Вскоре арестовали и ее, присудив 25 лет лагерей. К счастью, сидела она относительно недолго; ее освободили вскоре после смерти Сталина. О судьбе своего мужа долгое время она ничего не знала, пока случайно встреченный один из музыкантов лещенковского оркестра не сообщил ей, что «шеф отдал Богу душу» летом 1954 года. Где он похоронен, пока что неизвестно; румынские власти архивы не раскрыли.

После реабилитации в 1988 году Петр Лещенко очень быстро и органично вошел в избранный круг великих певцов «легкого жанра» – наряду с Морфесси, Шульженко, Утесовым,

Вечер в честь 120-летия Лещенко в Музее звука

Рубашкиным и др. Этот круг, по всей видимости, уже никогда не расширится, и вовсе не потому, что не может появиться в будущем выдающихся певцов. Просто уже никогда не повторится время, когда песня и в самом деле помогала «строить и жить», когда популярным певцам поверяли личные тайны, советуясь, как с самыми близкими людьми, ожидая от них помощи, подсказки. Да, за песню тогда могли уничтожить, но ведь это тоже означало – пусть в страшном, искореженном, исковерканном виде – но признание силы искусства. Глупо жалеть об уходе этого времени, слава Богу, что сегодня можно петь о чем угодно и как угодно, но разве не обидно, что душа даже в искусстве нынче сплошь и рядом заменяется голым расчетом? Что понятие «эстрадное искусство» заменило иное – «шоу-бизнес»? Петр Лещенко по современным критериям был классическим представителем этого самого шоу-бизнеса, но помнят о нем не потому, что он был совладельцем крупных ресторанов, а потому что был артистом.

Его посмертной славе ничто не угрожает. Лучшее тому свидетельство – многочисленные пластинки и диски, выпущенные после 1988 года, книги и десятки статей, наконец, сериал, который хотя и весьма далек от реалий жизни артиста, но благодаря которому молодое поколение хотя бы узнало, что был на свете такой певец. И даже недавнее появление на свет «мемуаров Петра Лещенко» (чего не было, и быть не могло; уж Вера Белоусова знала бы об этом) – методом от противного доказывает живучесть его славы: не будь расчета на коммерческий успех, не возникло бы и мысли о появлении такой фальшивки.

К юбилейным датам и просто так поклонники творчества Лещенко в разных городах устраивают вечера его памяти. Один из таких вечеров прошел 14 июня 2018 года, в день, когда исполнилось 120 лет со дня рождения Петра Лещенко, в Одесском музее звука Василия Пинчука. Слушатели долго не расходились, снова и снова прося ставить старые пластинки на старые проигрыватели...

